

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ В СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ: МНЕНИЕ РОССИЯН¹

С.В. МАРЕЕВА,

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Института социологии РАН,
старший научный сотрудник РАНХиГС, г. Москва, Россия,
e-mail: s.mareeva@gmail.com

ТERRA ECONOMICUS
✦ 2015 Том 13 № 3

В статье на данных общероссийских репрезентативных исследований РАНХиГС и ИС РАН проведен анализ институционального доверия в российском обществе и представлений россиян об эффективности институтов при выходе из сложных жизненных ситуаций. Показано, что уровень институционального доверия в обществе остается невысоким, но достаточно стабильным. Однако наибольшее доверие при этом вызывают институты, выступающие в роли символов российской государственности, но мало влияющие на повседневную жизнь населения. При этом оценки, которые россияне дают эффективности институциональной системы в решении тех проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, довольно низки – только от 3% до 10% населения точно уверены, что могут рассчитывать на помощь тех или иных институтов. В итоге, в трудных жизненных ситуациях россияне полагаются, в первую очередь, на личные связи и помощь своего ближнего круга. Показано, что низкие оценки эффективности институтов в сложных жизненных ситуациях, характерные для населения, основаны не только на гипотетических представлениях, но и на личном опыте: хотя подавляющее большинство россиян не использует подобные каналы в случае возникновения сложной жизненной ситуации, но даже среди тех, кто все-таки пытается их использовать, такие стратегии не всегда оказываются эффективными. Отмечено, что эффективность использования социального капитала и тех или иных социальных каналов россиянами в трудной жизненной ситуации оказывается выше при наличии у домохозяйства и других типов ресурсов, в том числе экономических.

Ключевые слова: институциональное доверие; общественные институты; социальный капитал; сложные жизненные ситуации

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социальные факторы экономического неравенства», выполняемому при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00196).

INSTITUTIONAL TRUST AND INSTITUTIONS' EFFECTIVENESS IN DIFFICULT STRAITS IN VIEWS OF RUSSIANS

SVETLANA MAREEVA,

Candidate of Sociology (PhD), Senior Researcher,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Science (IS RAS),
senior researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia,
e-mail: s.mareeva@gmail.com

Based on the data of national representative surveys carried out by RANEPA and IS RAS, article presents analysis of institutional trust and Russians' views on effectiveness of the institutions in difficult straits. It is shown that general level of institutional trust in society remains stable, but at the rather low level. Institutions that are characterized by most trust from the population are those that act as symbols of Russian statehood, but have little influence on Russians' actual life. Russians give quite low assessments of the institutional system's effectiveness in addressing the challenges they face in their daily lives – only 3% to 10% of the population are sure that they can count on support from various institutions in difficult straits. As a result, in difficult situations Russians rely primarily on personal relationships and help from their social circle. It is shown that low assessments of the effectiveness of institutions in difficult situations that Russians hold are based not only on the hypothetical judgments, but also on personal experience: although the vast majority of Russians do not even try to use institutional channels in case of difficulties, even among those who do it is not always effective. It is noted that the effectiveness of the use of social capital and social institutions in difficult situations by Russians is higher when the household also possess other types of resources, including economic resources.

Keywords: institutional trust; social institutions; social capital; difficult straits

JEL classifications: B52

Введение

Проблематика институционального и межличностного доверия находится в сфере интересов как социологов, так и экономистов. Интерес к ней связан, в том числе, с широким распространением в социологических и экономических исследованиях концепции социального капитала, которая получила развитие в работах П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы и многих других (Бурдье, 2002; Коулман, 2001; Патнэм, 1996; Putnam, 2000; Фукуяма, 1999). При этом в некоторых работах доверие рассматривается как следствие социального капитала или же как его элемент (Woolcock 2001); значительный интерес вызывает взаимосвязь доверия в обществе и его экономической успешности (Knack and Keefer, 1997; Zack and Knack, 2001; Beugelsdijk, 2006).

К проблематике доверия как одной из ключевых компонент социального капитала обращено и внимание российских ученых (Белянин и Зинченко, 2010; Дискин, 2003; Козырева, 2015; Лебедева и Татарко, 2010; Сасаки и др., 2009; Шихирев, 2003). В институциональном понимании накопленное в обществе доверие (как институциональное, так и межличностное) выступает ресурсом экономического развития и роста благо-

состояния населения, поскольку снижает транзакционные издержки, предотвращает оппортунистическое поведение, определяет готовность индивидов следовать определенным нормам поведения. Рост доверия в обществе рассматривается как предпосылка повышения эффективности государства (*Вахтина, 2011*). В свою очередь недостаток доверия выступает в качестве одного из объясняющих факторов неэффективности институциональных реформ в России (*Стиглиц, 2001*).

В данной статье мы обратимся к проблематике институционального доверия – доверия индивидов социальным институтам², оставив в основном вне нашего рассмотрения не менее важный аспект межличностного доверия, относящегося к доверию между индивидами.

Институциональное доверие в российском обществе: эмпирические оценки

Уровень институционального доверия для целей эмпирического измерения и анализа обычно операционализируется с помощью вопросов о том, каким государственным и общественным институтам доверяет население; предполагается, что доверие к институтам определяется тем, насколько они отвечают ожиданиям населения с точки зрения их эффективности и справедливости (*Вахтина, 2011*).

Данные, которые различные исследовательские центры и группы получают относительно уровня доверия россиян к государственным и общественным институтам, демонстрируют некоторые количественные отличия, но в целом свидетельствуют в пользу качественно схожих результатов, которые заключаются в невысоком уровне доверия всем институтам власти и управления (помимо Президента РФ, уровень доверия которому остается традиционно высоким). Доверие россиян общественным организациям также может быть охарактеризовано только как невысокое. Так, данные РАНХиГС³ показывают, что уровень доверия россиян органам власти не сильно зависит от того, о каком их уровне идет речь. Полностью доверяют органам власти каждого из этих уровней не более 5% россиян, еще около трети скорее доверяют им; треть россиян скорее не доверяют органам власти, и 14–15% совсем не испытывают к ним доверия. Показательно, что около 14–15% затруднились ответить, доверяют они или нет органам федеральной, региональной и муниципальной власти, что демонстрирует значительную дистанцированность повседневной жизни от органов власти различных уровней, даже от наиболее близкой к ним муниципальной власти.

Более полную картину институционального доверия в российском обществе дают данные исследования ИС РАН, также проведенного в 2014 году⁴. Согласно полученным результатам, максимальная степень доверия характеризует отношение россиян к институтам, выступающим в представлении россиян в качестве «парадных» символов российской государственности – российской армии, русской православной церкви и президенту России, а также к Российской академии наук. Эти выводы в целом подтверждаются и данными исследований Левада-центра (*Гудков, 2012*). При этом ясно, что все эти институты (за исключением Президента страны) весьма опосредованно влияют на повседневную жизнь большинства россиян и выполняют прежде всего именно символическую роль, о которой и говорит население, оценивая степень своего доверия им.

Уровень доверия к другим, помимо Президента, органам власти у россиян не столь высок. Региональным властям и Правительству РФ доверяют менее половины опрошенных, но все же в целом они остаются в зоне доверия. У Совета Федерации рейтинг

² Сразу отметим, что здесь и далее под институтами мы будем понимать различные организационные структуры (политические и общественные).

³ Исследование РАНХиГС «Новые факторы социально-экономического неравенства: причины возникновения и пути их преодоления» (n=10 674; 2014 г.)

⁴ Здесь и далее речь идет о данных репрезентативного исследования ИС РАН «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» (n=1600, март 2014 г.).

носит уже отрицательный характер, еще ниже показатели у органов местного самоуправления, полиции и органов внутренних дел соответственно), а также у Государственной Думы. Самым низким среди всех государственных органов оказывается уровень доверия к судебной системе.

Что же касается общественных и общественно-политических институтов, то профсоюзы и политические партии также остаются аутсайдерами общественного доверия, в то время как доверяющих общественным и правозащитным организациям примерно столько же, сколько и не доверяющих им. Наконец, в отношении СМИ можно отметить большую степень доверия телевидению, чем прессе – для телевидения доли доверяющих и не доверяющих этому СМИ практически совпадают, в то время как для печатных СМИ доля не доверяющих им выше (см. табл. 1).

Таблица 1

**Степень доверия россиян различным государственным
и общественным институтам, 2014 г., ИС РАН, %**
(упорядочено по разнице оценок доверяющих и не доверяющих)

Институт	Доверяют	Не доверяют	Затруднились ответить	Разница между доверяющими и не доверяющими
Российская армия	61	20	20	41
Православная церковь	55	18	27	37
Президент России	60	24	16	36
Российская академия наук	43	16	42	27
Руководитель республики, губернатор области, края	43	33	25	10
Правительство России	43	36	22	7
Телевидение	41	38	21	3
Общественные и правозащитные организации	31	29	40	2
Совет Федерации	28	36	37	-8
Органы местного самоуправления	32	41	27	-9
Пресса (газеты, журналы)	32	45	23	-13
Профсоюзы	24	41	35	-17
Полиция, органы внутренних дел	30	49	20	-19
Государственная Дума	25	49	26	-24
Судебная система	24	54	22	-30
Политические партии	15	55	30	-40

Если обратиться к динамике доверия населения различным государственным и общественным институтам за последние 5 лет, то можно сделать вывод об отсутствии качественных изменений институционального доверия в российском обществе за этот период, хотя определенные количественные изменения произошли. Наиболее заметные из них – это, в частности, снижение доверия к правительству России (с 60% доверяющих в 2009 году до 43% в 2014-м) и общественным и правозащитным организациям (с 41% до 31%). Определенные колебания претерпело и отношение к российской армии (доверие к ней снизилось с 63% в 2009 до 50% в 2010–2012 году и вновь возрос-

до до 61% в 2014). По остальным позициям изменения за прошедшие 5 лет не носили столь заметного характера.

Однако эти данные, как и схожие данные по институциональному доверию, рассчитываемые как научными институтами, так и организациями опросов общественного мнения и активно используемые в работах российских ученых, хотя и выполняют свою роль по оценке общего институционального климата в стране, но не дают возможности понять, как формальный уровень институционального доверия, опирающийся на общие представления россиян об эффективности и справедливости тех или иных институтов, связан с тем, насколько те или иные общественные институты могут действительно оказать помощь лично им при возникновении у них такой необходимости. Иными словами, важно оценить, в какой мере институциональное общественное доверие может быть конвертировано в ресурс благосостояния на индивидуальном уровне. Поэтому далее мы обратимся к вопросу о том, на кого рассчитывают россияне в трудной жизненной ситуации и какие институты или группы, по их мнению, могли бы им помочь при возникновении такой ситуации.

Роль институтов в трудных жизненных ситуациях: мнение россиян

Данные, полученные в ходе репрезентативного общероссийского исследования ИС РАН, показывают, что в форс-мажорных ситуациях россияне в большинстве случаев будут обращаться к родственникам или друзьям, знакомым, коллегам, и в разы реже прибегнут к помощи государственных институтов правоохранительных органов, местных органов или высших органов государственной власти; и еще реже – к правозащитным организациям и волонтерским движениям. Даже высшие силы, Бог, для населения в этом случае выступают в роли более авторитетной инстанции, чем многие общественные и государственные институты (см. рис. 1).

Рис. 1. К кому обратятся россияне при возникновении серьезных жизненных трудностей, 2014 г., ИС РАН, % (допускалось до 4 ответов)

Данные репрезентативного исследования РАНХиГС позволяют дополнить эту картину представлениями россиян о том, от кого они могли бы получить реальную помощь в сложной жизненной ситуации. Полученные результаты хорошо согласуются с приведенными выше данными – гипотетически, при возникновении трудной жизненной ситуации россияне в наибольшей степени рассчитывают на

помощь ближнего круга общения: около 70% уверены, что точно получают помощь от родственников (и еще 23% считают, что могут получить такую помощь); далее следует помощь друзей, на которую уверенно рассчитывают 43% населения, и еще 45% не отвергают такую возможность. Что же касается возможности получить помощь от государственных и общественных институтов, то здесь ситуация выглядит качественно иной (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка вероятности получить помощь в трудной жизненной ситуации из различных источников, 2014 г., РАНХиГС, %

Источник получения помощи в трудной жизненной ситуации	Точно получают помощь	Может быть, получают помощь	Не получают помощи	Затруднились ответить
От родственников	70	23	4	3
От друзей	43	45	7	5
От церкви	7	29	35	29
От людей, работающих в органах власти, при официальном к ним обращении	6	39	34	20
От социальных служб	4	35	38	23
От людей, работающих в органах власти, при неофициальном обращении	3	31	43	24
От общественных организаций	2	29	43	26
От средств массовой информации, включая интернет	2	26	44	28

Показательно, что, оценивая возможность получения помощи от родственников и друзей, подавляющее большинство населения не затруднилось с ответом. Что же касается оценки вероятности получить помощь в сложной жизненной ситуации через обращение к различным государственным и общественным институтам, то более пятой части всех респондентов, оценивая эту вероятность, вообще не смогли дать определенного ответа. Больше всего затруднившихся с ответом оказалось в отношении возможности получить помощь от церкви (29%), а также от средств массовой информации, включая интернет (28%).

Даже если обратиться только к тем, кто дал определенный ответ на этот вопрос, видно, что с уверенностью россияне рассчитывают только на семью и друзей. В отношении же получения реальной помощи со стороны основных общественных и политических каналов значительная доля населения испытывает скепсис: точно уверены, что могут рассчитывать на помощь тех или иных институтов, лишь от 3 до 10% населения.

Стоит отметить, что при этом все же более половины населения считает, что в случае трудной жизненной ситуации есть некоторая возможность получить помощь от органов власти, причем при официальном обращении (57%); около половины верят в возможность получения помощи от социальных служб или от церкви. Что же касается таких каналов, как органы власти при неофициальном к ним обращении, общественные организации и СМИ, включая интернет, то более половины россиян уверены, что помощь через эти каналы им оказана не будет (см. табл. 3).

**Оценка населением вероятности получить помощь
в трудной жизненной ситуации из различных источников, 2014 г., РАНХиГС,
% от давших определенный ответ**

Источник получения помощи в трудной жизненной ситуации	Точно или возможно получат помощь	Не получают помощи
От родственников	96	4
От друзей	93	7
От людей, работающих в органах власти, при официальном обращении	57	43
От социальных служб	51	49
От церкви	51	49
От людей, работающих в органах власти, при неофициальном обращении	43	57
От общественных организаций	42	58
От средств массовой информации, включая Интернет	39	61

Стоит обратить внимание, что россияне питают большие надежды, связанные с возможностью получения помощи от органов власти при официальном обращении, нежели при неофициальном. Однако такое положение дел возможно связано с тем, что у большинства населения нет никаких «неофициальных» каналов выхода на органы власти. Так, данные того же исследования свидетельствуют, что при гипотетической необходимости содействия в доступе к должностным лицам, органам власти, от которых зависит решение проблем, такой вид помощи могли бы получить от родственников 4% россиян, от коллег – 9%, а остальные считали, что такой вид помощи от «ближнего круга» им недоступен или затруднились ответить на этот вопрос (что в данном контексте скорее всего означает фактическое отсутствие возможности получения подобного рода содействия).

Еще один аспект, который нужно отметить в этой связи, – это расчет россиян на помощь в решении их проблем со стороны представителей своего «ближнего круга». По сути, большинство россиян может рассчитывать только на родственников и близких друзей при возникновении у них трудных жизненных ситуаций. И хотя эти данные не противоречат выводам предыдущих исследований о достаточно низком (*Лебедева, Татарко, 2010*) или, в лучшем случае, среднем уровне (*Сасаки и др., 2009*) межличностного доверия в российском обществе, трудно не заметить различия в степени обобщенного и персонализированного доверия (то есть доверия людям вообще и доверия конкретным индивидам). Кроме того, данные демонстрируют и различия нормативного и фактического доверия – так, при более высоком уровне декларируемого доверия в целом своему самому ближнему кругу (родственникам, проживающим совместно или отдельно), при решении ряда конкретных проблем россияне в большей степени рассчитывают не на их помощь, а на помощь коллег и друзей. Это, в частности, касается вопросов, связанных с поиском работы и приработком, а также доступа к хорошим школам, детским садам, медицинским учреждениям или конкретным специалистам. Таким образом, при более высоком уровне доверия россиян своим родственникам и более низким – друзьям и коллегам, важной компонентой социального капитала с точки зрения его роли как ресурса благосостояния могут выступать именно связи с друзьями и коллегами, обеспечивающие доступ к лифтам мобильности и более эффективным инвестициям в свой человеческий капитал и человеческий капитал детей.

Опыт взаимодействия населения с институтами в сложных жизненных ситуациях

Однако выше речь шла, прежде всего, про декларируемое доверие, которое может быть основано как на личном опыте взаимодействия с различными институтами, так и на теоретических представлениях россиян об их эффективности. В этой связи интересно оценить, насколько представления населения о возможности или невозможности получения помощи в сложной жизненной ситуации связаны с их реальным опытом обращения к тем или иным каналам. В этой связи важно прежде всего выделить те домохозяйства, которые, по их самооценке, оказывались в трудной жизненной ситуации в течение последних двух–трех лет. Данные показывают, что таких домохозяйств достаточно много: более трети домохозяйств или отдельных их членов подтверждают, что они оказывались в подобных ситуациях в последние 2–3 года, об этом сообщили 36%. При этом половина из них оказывались в них даже неоднократно, а половина только один раз. При этом вопрос об опыте использования различных каналов задавался респондентам в отношении трудных ситуаций, когда-либо возникавших на их жизненном пути (а не только в последние 2–3 года), поэтому доля тех, кто отмечал, что не попадал в подобные ситуации, оказалась еще ниже и составила около четверти опрошенных, которые, соответственно, не были включены в дальнейший анализ. Среди тех, кто когда-либо оказывался в сложной жизненной ситуации, картина использования различных компонент собственного социального капитала, а также обращения к тем или иным каналам выглядела следующим образом: чаще всего россияне обращались к родственникам и друзьям (66 и 53% соответственно) и в подавляющем большинстве случаев получали от них помощь. Судя по оценкам населения, родственники оказывали необходимую им помощь в 95% случаев, а друзья в 87. Что же касается обращений за помощью к различным институтам, то, судя по полученным результатам, подавляющее большинство россиян не используют подобные каналы в случае возникновения сложной жизненной ситуации: так, опыт обращения к органам власти имели только 17% из всех когда-либо попадавших в трудную жизненную ситуацию, в социальные службы – 14%, к церкви – 9%, в общественные организации – 8%, а в СМИ и Интернет менее 5%.

При этом даже среди тех, кто все-таки пытался использовать эти каналы для получения помощи, случаи успеха преобладали отнюдь не всегда: так, среди обращавшихся к органам власти, в общественные организации и в СМИ, включая Интернет, более половины требующейся им помощи не получили (см. табл. 4).

Таблица 4

**Опыт обращения за помощью в трудной жизненной ситуации
к различным каналам, 2014 г., РАНХиГС, %**

Канал	Обращались и получили помощь	Обращались и не получили помощи	Не обращались	Процент успешных обращений
К родственникам	63	4	34	95%
К друзьям	47	7	47	87%
К органам власти	7	11	83	38%
В социальные службы	8	6	86	55%
К церкви	6	3	92	68%
В общественные организации	2	6	92	23%
В СМИ и Интернет	2	3	96	34%

Что касается различий в использовании каналов получения помощи у домохозяйств, отличающихся уровнем благосостояния⁵, то анализ показывает, что качественных различий между ними не наблюдается – все они приблизительно в равной степени обращались к тем или иным каналам за помощью, хотя домохозяйства с уровнем благосостояния, не достигающим среднего, несколько чаще обращались в социальные службы (17% при 12,1% среди домохозяйств со средним уровнем благосостояния и 9% среди домохозяйств с уровнем благосостояния выше среднего).

Однако если говорить об успешности обращений за помощью, то, кроме социальных служб и церкви, все остальные каналы более эффективно использовались домохозяйствами с более высоким уровнем благосостояния. Так, помощь от общественных организаций смогли получить 16% из обратившихся к ним домохозяйств с уровнем благосостояния ниже среднего и 32% домохозяйств с уровнем благосостояния выше среднего; для обращений в СМИ и Интернет аналогичные доли составили 21 и 42% соответственно, а для обращений в органы власти – 32 и 43%. Аналогичные тенденции касаются и помощи от ближнего круга россиян (см. табл. 5).

Таблица 5

Процент успешных обращений за помощью в трудной жизненной ситуации к различным каналам у домохозяйств с различным интегральным уровнем благосостояния, 2014 г., РАНХиГС, %

Канал обращения	Уровень благосостояния		
	Низкий и ниже среднего	Средний	Выше среднего и высокий
К родственникам	92	96	98
К друзьям	82	90	93
К органам власти	32	38	43
В общественные организации	16	27	32
В социальные службы	56	55	50
В СМИ и интернет	21	38	42
К церкви	67	66	68

Полученные данные дают основание говорить, что эффективность использования социального капитала и различных каналов для выхода из трудных жизненных ситуаций различна и оказывается выше при наличии у домохозяйства и других типов ресурсов, в том числе экономических. Таким образом, социальный капитал более эффективно «работает» в связке с другими типами ресурсов, определяющих благосостояние в целом. Это отражается и в представлениях населения о том, какие каналы могли бы им помочь в сложной жизненной ситуации: уверенность в том, что они могли бы получить помощь через обращение как к своему ближнему кругу, так и к различным институтам, растет по мере повышения уровня благосостояния. Особенно ярко проявляются различия между представителями групп с различным уровнем благосостояния при оценке ими своих

⁵ Интегральная оценка благосостояния домохозяйств была произведена с использованием специально сконструированного индекса, учитывающего уровень доходов и наличие сбережений, имущественную обеспеченность и жилищные условия домохозяйств. Было получено следующее распределение домохозяйств по шкале благосостояния: низкий уровень благосостояния (16%), ниже среднего (33%), средний (32%), выше среднего (15%) и высокий уровень благосостояния (4%).

гипотетических возможностей получить помощь от органов власти. Так, 49 и 36% соответственно среди россиян с уровнем благосостояния ниже среднего с разной степенью уверенности считают, что они смогут получить помощь от органов власти (при официальном и неофициальном обращении соответственно), в то время как среди населения с уровнем благосостояния выше среднего эти доли составляют 67 и 53% соответственно.

Таблица 6

Оценка вероятности получить помощь в трудной жизненной ситуации из различных источников в группах с разным уровнем благосостояния, 2014 г., РАНХиГС, %

Источник получения помощи в трудной жизненной ситуации (точно или возможно получили бы от них помощь)	Уровень благосостояния		
	Низкий и ниже среднего	Средний	Выше среднего и высокий
От родственников	94	97	97
От друзей	88	95	97
От людей, работающих в органах власти, при официальном обращении	49	58	67
От социальных служб	50	51	52
От церкви	49	51	52
От людей, работающих в органах власти, при неофициальном обращении	36	44	53
От общественных организаций	37	41	47
От средств массовой информации, включая Интернет	33	41	43

Заключение

Подведем итог. В отношении современного российского общества в целом можно говорить о невысоком, но достаточно стабильном уровне институционального доверия. Обратной стороной картины выступает, однако, тот факт, что это доверие распространяется прежде всего на институты, которые мало влияют на повседневную жизнь россиян и которые выступают скорее как парадные символы государства. Что же касается эффективности различных институтов в решении тех проблем, с какими россияне сталкиваются в повседневной жизни, то она, в оценках самого населения, невысока – полагаясь в трудных жизненных ситуациях, прежде всего на помощь своего ближнего круга, только от 3 до 10% населения точно уверены, что могут рассчитывать на помощь тех или иных институтов. Эти представления основаны, в том числе, и на личном опыте – хотя подавляющее большинство россиян не используют подобные каналы в случае возникновения сложной жизненной ситуации, но даже среди тех, кто все-таки пытается их использовать, такие стратегии не всегда оказываются эффективными: среди обратившихся к органам власти, в общественные организации и в СМИ, включая Интернет, более половины требовавшейся им помощи так и не получили. Важно, что эффективность использования россиянами тех или иных общественных каналов в трудной жизненной ситуации оказывается выше при наличии у домохозяйства и других типов ресурсов, в том числе экономических, то есть социальный капитал как ресурс благосостояния более эффективно «работает» в связке с другими типами ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белянин А.В., Зинченко В.П. (2010). Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // *Экономическая социология*, т. 3, № 5, с. 60–74.
- Вахтина М.А. (2011). Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // *Журнал институциональных исследований*, т. 3, № 3, с. 57–65.
- Гудков Л.Д. (2012). «Доверие» в России: смысл, функции, структура // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, т. 112, № 2, с. 8–47.
- Дискин И.Е. (2003). Социальный капитал в глобальной экономике // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 150–159.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2015). Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // *Вестник Института социологии*, № 12, с. 79–99.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 121–139.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2009). Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2010). Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // *Журнал институциональных исследований*, т. 2, № 1, с. 17–34.
- Миронова А.А. (2014). Доверие, социальный капитал и субъективное благополучие индивида // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 44–52.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: AdMarginem.
- Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г. С., Латова Н.В. (2009). Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Журнал институциональных исследований*, т. 1, № 1, с. 20–35.
- Стиглиц Дж. (2001). Quis custodiet ipsos custodes? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // *Экономическая наука современной России*, № 4, с. 108–146.
- Фукуяма Ф. (1999). Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / В кн.: *Иноземцев В.Л. (ред.) Новая индустриальная волна на Западе. Антология*. М.: Academia.
- Шухирев П.Н. (2003). Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность*, № 2, с. 17–32.
- Beugelsdijk S. (2006). A note on the theory and measurement of trust in explaining differences in economic growth // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, pp. 371–387.
- Knack S. and Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics*, № 112 (4), pp. 1251–1288.
- Putnam R. (2000). *Bowling Alone – The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Woolcock M. (2001). The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes // *ISUMA Canadian Journal of Policy Research*, № 2, pp. 11–17.
- Zak P. and Knack S. (2001). Trust and growth // *Economic Journal*, vol. 111, pp. 295–321.

REFERENCES

- Belyanin A.V. and Zinchenko V.P. (2010). *Trust in the Economy and Public Life*. Moscow: Fund «Liberal Mission» Publ. (In Russian.)
- Bourdieu, P. (2002). The Forms of Capital. *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. (In Russian.)
- Coleman J. (2001). Social Capital and Human Capital. *Social Studies and Modernity*, no. 3, pp. 121–139. (In Russian.)

Diskin I.E. (2003). Social Capital in the Global Economy. *Social Studies and Modernity*, no. 5, pp. 150–159. (In Russian.)

Fukuyama F. (1999). Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity / In: *Inozemtsev V.L. (ed.) The New Industrial Wave in the West*. Anthology. Moscow: Academia Publ. (In Russian.)

Gudkov L.D. (2012). «Trust» in Russia: Meaning, Functions, Structure. *Herald of Public Opinion: Data. Analysis. Discussion*, vol. 112, no. 2, pp. 8–47. (In Russian.)

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2015). Political Trust in Russia: Peculiarities and the Problem of Optimality. *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 12, pp. 79–99. (In Russian.)

Lebedeva N.M. and Tatarko A.N. (2009). Social Capital: Theory and Psychological Research. Moscow: People's Friendship University Publ. (In Russian.)

Lebedeva N.M. and Tatarko A.N. (2010). Values and Social Capital as a Basis for Socio-Economic Development. *Journal of Institutional Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 17–34. (In Russian.)

Mironova A.A. (2014). Trust, Social Capital, and Subjective Well-being of the Individual. *Social Studies and Modernity*, no. 3, pp. 44–52. (In Russian.)

Putnam R. (1996). Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian.)

Sasaki M., Davydenko V.A., Latov J.V., Romachkin G.S. and Latova N.V. (2009). Problems and Paradoxes of Analysis of Institutional Trust as an Element of Social Capital of Modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 20–35. (In Russian.)

Shihirev P.N. (2003). Nature of Social Capital: Socio-Psychological Approach. *Social studies and Modernity*, no. 2, pp. 17–32. (In Russian.)

Stiglitz J. (2001). Quiscustodietipsoscustodes? The Failure of Corporate Governance in Transition to Market Economy. *Economic Science of Modern Russia*, no. 4, pp. 108–146. (In Russian.)

Vakhtina M.A. (2011). The Credibility of the State as a Factor in Increasing its Efficiency. *Journal of Institutional Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 57–65. (In Russian.)

Beugelsdijk S. (2006). A note on the theory and measurement of trust in explaining differences in economic growth. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, pp. 371–387.

Knack S. and Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, no. 112 (4), pp. 1251–1288.

Putnam R. (2000). Bowling Alone – The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster.

Woolcock M. (2001). The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes. *ISUMA Canadian Journal of Policy Research*, no. 2, pp. 11–17.

Zak P. and Knack S. (2001). Trust and growth. *Economic Journal*, vol. 111, pp. 295–321.